

СЕРГЕЙ САМАРОВ

◀ НЕПОЗНАННОЕ ▶

ОТЧУЖДЕНИЕ

Бушков. Непознанное

Сергей Самаров

Отчуждение

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Отчуждение / С. В. Самаров — «Автор», 2017 — (Бушков. Непознанное)

ISBN 978-5-699-94619-8

Не дай бог испытать вам чувство отчуждения. Когда все вокруг отвернулись от вас, когда опасность смотрит вам в лицо, а помощи ждать неоткуда. Но бойцы спецназа ГРУ, привыкшие к войне и смерти, давно сроднились с этим чувством; казалось, уже нет на земле ничего, что сломило бы их мужество. Казалось, так будет всегда. Но вот однажды спецназовцы столкнулись с чем-то необъяснимым, ломающим все человеческие шаблоны. И жизнь их мгновенно погрузилась в невыносимый кошмар, а судьбы стали игрушкой для чужого разума...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94619-8

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	21
Глава вторая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Самаров

Отчуждение

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

Магомет Арсамаков, эмир банды, я давно это определил, спрятался за высоким камнем, торчащим из-под земли, словно столб. Этот камень чем-то напоминал «каменную бабу», которую я встречал в Омской области во время учений. Однако в здешних краях «каменных баб», насколько я знаю, не попадалось. Но на этот камень я смотрел не просто так. Мне, признаться, просто не терпелось самому испытать убойную силу только что поступившего на вооружение гранатомета «РПГ-29» «Вампир». Но до камня было далековато, и я, неопытный гранатометчик, опасался промахнуться. Хотя, если и промахнусь, не большая беда. Ну, выскажу я по этому поводу претензию, если настроение дурное будет, и все. Но даже это необязательно. Мою претензию даже вместо туалетной бумаги использовать нельзя. Она прозвучит и забудется. Даже мной самим забудется, потому что гранатометчик у меня во взводе в самом деле отличный. А если на глазах всего взвода промахнусь я, командир взвода, солдаты долго будут обсуждать это. Кто-то даже и посмеется. Такой промах – откровенная потеря авторитета. И хотя я не гранатометчик по профессии, а только линейный офицер, среди солдат бытует мнение, что их командир должен уметь все. Только тогда он имеет право с них спрашивать строго. Но все делать лучше, чем они, я не умею. Я могу в каких-то обстоятельствах кого-то из них заменить, но не всех и не всегда. И потому я не попросил гранатомет у штатного взводного гранатометчика, а просто сказал ему по внутренней связи:

– Рахметьев! Сереня... Видишь высокий камень? Как столб стоит. Попробуй его развалить своим «Вампиром». Сможешь?

– Есть развалить камень, товарищ старший лейтенант! Самому интересно, как получится...

«РПГ-29» по своим характеристикам должен пробивать шестьсот миллиметров гомогенной брони, имеющей динамическую защиту. На броню мы в бригаде гранатомет не испытывали, поскольку нет подходящего танка. Но на нашем бригадном полигоне были выставлены мощные железобетонные фундаментные блоки – не знаю уж, откуда такие привезли и где они используются, кроме фундамента и полигона! – но я сам с рулеткой бегал и измерял их толщину. Больше полутора метров, и внутри мощная арматура. Испытывали «Вампир» при стрельбе под углом в шестьдесят градусов к поверхности. И «выстрел» пробил блок насквозь по прямой линии от места попадания. Мы потом в отверстие лом просунули и измерили. Получалось, что гранатомет проломил двухметровый слой железобетона. Более мощного и толстого укрепления у нас на полигоне не нашлось. Но и этого вполне хватило. Бетон был проломлен, стальная арматура разорвана. Можно только представить себе, что будет с людьми в укреплении, когда туда попадет такой заряд. Хотя стрелять по укреплениям никому из нас пока не доводилось. И слава богу, что время мирное. А там, где приходится стрелять, мощных укреплений нет...

* * *

Я смотрел на поле боя, укрываясь за большим камнем-валуном, на который положил свой автомат. Гранатометчик младший сержант контрактной службы Рахметьев сначала попробовал пристроить тубу «Вампира» на соседний камень. Сошки свободно свисали у него за спиной, а передних сошек у гранатомета не было. Вообще-то его можно использовать для стрельбы со станины, тогда и прицеливаться легче, и стрельба становится более точной, но сейчас в расчете только два человека, а если добавить станину, то для ее переноски придется выделять еще одного бойца. А у меня во взводе и без того всего двадцать два

человека, из них только три солдата срочной службы, а все остальные контрактники. Мы с Рахметьевым посоветовались и вместе решили, что без станины обойтись можно. Тем более Сережа привык стрелять из старенького «РПГ-7», который предпочитает станине плечо гранатометчика.

С камня стрелять было неудобно, и Рахметьев снял свой рюкзак, положил его на метр впереди себя, устроив, таким образом, что-то типа бруствера, и на этот бруствер пристроил тубу. И тут же прикинул глазом к прицелу, интегрированному с прибором управления огнем. Я сам привык прицеливаться долго. Но это дело индивидуальное. Одни долго примеряются, прежде чем нажать спусковой крючок, другие предпочитают стрелять быстро. Так у них лучше получается. В этот раз я успел только позвать взводного снайпера ефрейтора контрактной службы Асонова.

– Валентин, возьми на прицел камень, за которым эмир прячется...

Асонов успел взять на прицел камень, Рахметьев наконец выстрелил. Дыма и пыли было много. Я даже отвернулся и пару раз кашлянул, сплевывая едкий дым. А вот грохота сильного не было. Было только громкое шипение. А когда я повернулся и посмотрел в ту сторону, куда стрелял гранатометчик, то увидел, что и Асонов время даром не терял и свой выстрел тоже произвел. Он в стороне сидел, и дым наш ему не мешал. Но камень... Железобетонная плита была прошита насквозь. Но там бетон был «завязан» на арматуре. В камне арматуры нет. И мощный выстрел просто рассыпал монолитную глыбу в щебень, открыв четырех бандитов, прятавшихся за ней. Живых было только двое. И не за камнем, которого не стало. Одного, видимо, уничтожило выстрелом «Вампира», второго сразу после выстрела подстрелил снайпер Асонов. А двое оставшихся без укрытия стремительно побежали в сторону скал и успели нырнуть в расщелины раньше, чем раздались автоматные очереди моих бойцов. Те не ожидали такого результата от выстрела гранатомета и потому не успели пере-направить стволы. Но одного, как мне показалось, все же пуля настигла в самый последний момент и повалила в расщелину в скале. Только одна нога торчала наружу. Хотя и допускаю, что бандит просто споткнулся и пожелал покрасить камни кровью из своего носа. Но тут же, видимо, протянулись чьи-то невидимые нам руки и стремительно протащили раненого, или убитого, или просто нос себе расквасившего дальше в расщелину.

Второй номер из расчета Рахметьева, рядовой срочной службы Пашинцев, уже засовывал в тубу новый заряд.

– Сереня! Прямо туда, в расщелину! Влупи им по самые помидоры! – заорал я.

Гранатомет выстрелил сразу после перезарядки. И клубы дыма повалили не только из этой расщелины, но и из некоторых других. Там, внутри монолитной, растрескавшейся от старости скалы, имелись, как мы знали, множественные проходы и соединения, напоминающие лабиринт. Сама скала вздрогнула и, кажется, зашевелилась, как в сильное землетрясение. Но можно было быть уверенным в одном. Тем бандитам, что в расщелине прятались, пришлось несладко. Правда, они, я думаю, этого даже ощутить не успели. Их просто испепелило взрывом кумулятивной гранаты. Наверное, и камни в расщелине оплавил, а кого-то, возможно, впаяло в стену. «Вампир» оправдывал ожидания...

А я тут же дал очередь в соседнюю расщелину. Там, как мне показалось, скрылся сам эмир Арсамаков – верткий, скользкий и удачливый тип, которого уже много лет никто не может поймать. Видимо, расщелина была длинная, потому что пули, рикошета, долго бились о камни. Это удалось услышать в паузы между очередями. Бойцы, видимо, ждали, что наш гранатометчик и по другим камням стрелять будет, кто-то выскочит после этого, и его расстреляют сразу из нескольких стволов. Но я знал, что у Рахметьева было с собой всего три «выстрела», и последний я лично хотел потратить на эмира Магомета Арсамакова, справедливо считая, что на Арсамакове, на его авторитете держится вся банда. К нему идут, потому

что он – везунчик, но не понимают, что везет только одному эмиру. Всех его подручных убивают, а он выкручивается.

– Стреляй в расщелину. В эмира! – крикнул я в микрофон своего шлема. Но не потому опять крикнул, что меня было плохо слышно, а от сильного возбуждения. Но тут в небе раздался какой-то жуткий свист, я заметил, что Рахметьев смотрит вверх, и его второй номер рядовой Пашинцев, который только-только закончил тубу заряжать, тоже туда смотрит, и все бойцы взвода смотрят и потому не стреляют. Я тоже задрал голову...

* * *

Я не только голову задрал, а еще так широко рот раскрыл, что в челюсти что-то с болью хрустнуло, и вся левая щека у меня словно загорелась, такое тепло туда ударило. Нижняя челюсть у меня была пару лет назад сломана на тренировке по рукопашному бою, и с тех пор несколько раз случались такие «прострелы». Но сейчас мне было не до того, я только руку к щеке прижал, а сам смотрел в небо. Я не понимал, что там такое происходит. Два громадных самолета – не самолета, а вообще непонятно что на бешеной скорости вертелись друг против друга. Первый из них время от времени словно плевался какими-то огненными брызгами, прямо из живота плевался, а второй эти брызги отражал корпусом и крыльями, подвижными, как руки человека, только гораздо более быстрыми, несмотря на свои размеры. При этом сам пытался сблизиться, и, как хищная птица, старался клюнуть первого своим острым носом. Первый, круглоносый, от сближения ловко уворачивался и продолжал то ли стрелять, то ли плеваться. Но эти его плевки второму видимого вреда не причиняли – падали на землю. А там, куда они падали, загорался горный лес – дым, черный, нефтяной, а не древесный, рвался ввысь. Это я проследил. Впечатление было такое, что дерутся две неведомые птицы, но при этом я отдавал себе полный отчет в том, что птицы эти металлические.

– Кто это? – непонятно кого спросил Рахметьев. В его голосе чувствовались мистическая дрожь и испуг. А ведь он парень не из робких.

– Что это? – тем же тоном вторил ему Пашинцев.

Спрашивали явно меня. А что я мог ответить? Одно я мог сказать точно: это не схватка боевых самолетов России и НАТО. Я хорошо знал конфигурацию всех наших боевых самолетов и самолетов потенциального противника. Это вообще были не самолеты. Я не знал, что это такое. Я мог сказать только одно. И я сказал... предельно спокойно, хотя затрудняюсь утверждать, что у меня это получилось:

– Воздушный бой, как я его понимаю...

И демонстративно сплюнул пыль, остававшуюся во рту после выстрела из гранатомета. Небрежно сплюнул, демонстрируя спокойствие и невозмутимость.

Но тут же сообразил, торопливо вытащил из большого нагрудного кармана свой командирский «планшетник», включил режим видеосъемки и начал снимать воздушный бой, или что там такое происходило.

– И кто с кем? – спросил по связи кто-то из солдат.

– Один против другого, – здраво рассудил я, продолжая съемку. – А нехилая у второго реакция... Ловко он эти плевки отбивает...

– Вокруг него какое-то тонкое облако. Он облаком отбивает, – сказал со знанием дела командир первого отделения младший сержант Вася Красников. – Своего рода динамическая защита. Как у танка, только не совсем. И полупрозрачная.

Присмотревшись, я увидел, что и корпус, и крылья второго объекта в самом деле были покрыты слоем легкого тумана, через который огненные плевки первого не проникают. Это, несомненно, была какая-то особая защита. Но долго так продолжаться не могло. Никто из противников не мог победить другого. И тогда снова раздался свист, как в первый момент.

Тот самый свист, что заставил меня поднять голову. И обе машины исчезли из поля зрения. Однако одновременно со свистом откуда-то со стороны пришел и рев самолетного двигателя. Самолет приближался. Даже не один, а целых три. Это были российские истребители «СУ-30СМ». Видимо, радары засекли что-то, как и нам, непонятное, и самолеты вылетели на перехват, предполагая слегка пострелять ракетами класса «воздух – воздух». Но перехватывать уже было некого, как не в кого было и стрелять.

Теперь я снимал только самолеты...

* * *

Только в этот момент я вспомнил, что являюсь командиром взвода спецназа ГРУ, и мы вышли на банду эмира Арсамакова, прижали ее к скалам с намерением уничтожить. Однако непонятное явление в небе заставило нас забыть про бой с реальным противником. И лишь появление в небе российских самолетов вернуло нас к действительности.

Однако оказалось, что продолжать бой нам уже не с кем. Остатки банды вместе с самим эмиром просто улетучились, исчезли среди расщелин, и в какую надо было забираться, чтобы искать их, – было непонятно. Да и рискованно было лезть в расщелины. Бандиты наверняка заминировали пути отхода, как они всегда это делали. Расщелины узкие, темные. Любой взрыв может обрушить стены на того, кто окажется внутри. Кроме того, мы уже заранее знали, что проходы здесь представляют собой лабиринт, через который, если не знаешь пути, сможешь пройти только после подробного его изучения и нескольких дней блуждания. Таких лабиринтов в горах Северного Кавказа несколько, и почти все они известны. Но только отдельные местные жители знают, как через них проходить. И бандиты часто знают. Мы изначально старались отсечь банду от этого лабиринта, даже не имея информации о том, пользовался когда-то Арсамаков лабиринтом или нет. Тем не менее, страхуясь, пропускать банду туда не хотели. Но когда сами отвлеклись на непонятное явление, бандиты проскочили.

Изначально банда эмира Арсамакова была большая – больше двадцати человек. Восемь мы успели уничтожить. Еще несколько человек наверняка были уничтожены в расщелине, в которую выстрелил наш гранатометчик младший сержант Рахметьев. Наверное, стоило считать, что бандитов осталось около десятка. Но теперь придется по горам лазить, искать их. Десять человек – это тоже не самая маленькая банда, по местным масштабам – солидная сила. Опасная сила, которую необходимо обезвредить, пока они, озлобленные и униженные, не натворили бед. И найти их, чтобы обезвредить, легче всего по горячим следам. Значит, следует немедленно начать поиск обходного пути. В лабиринте мы только время потеряем и дадим возможность Арсамакову и его банде уйти далеко.

Нам бы сейчас «беспилотник»... В прошлую командировку больше года назад мой взвод работал с «беспилотником», который выручал нас. Но как-то так получается у нас в армии, что новой техникой нас только дразнят, показывая и присылая на испытания, но неизвестно, когда эта новая техника на постоянной основе станет нашим штатным вооружением. Много лет так же тянулось и с гранатометами «РПГ-29» «Вампир». Гранатометы продавались за границу, засветились в Ливане во время войны с Израилем, в Мексике на военном параде солдаты несли эти гранатометы, появлялись они во время боев в Сирии и Ираке, причем и с той и с другой стороны. Но в Российскую армию не поступали больше десятка лет, хотя официально и были приняты на вооружение. И вот наконец-то начали поступать.

При мысли о «беспилотнике» я невольно посмотрел вверх. Самолеты ревели двигателями. Потом посмотрел выше. Где-то в недостижимой высоте что-то поблескивало над легкими облачками. И наши «сушки», сделав круг над участками леса, которые все еще горели от огненных плевков, устремились ввысь, круто набирая высоту. А потом вдруг случилось

непредвиденное. Сверху, из ничего, то есть из полной пустоты, вдруг вылетел сначала один луч, коснулся крыла истребителя, и крыло загорелось. А через несколько секунд – еще два луча, один белый, второй фиолетовый, подожгли два оставшихся самолета. Мы видели, как в небе раскрылись купола парашютов. Летчики катапультировались. Сам момент катапультирования, наверное, происходит очень быстро. Настолько быстро, что глаз не успевает на него среагировать. Но купола шести парашютов в небе видно было хорошо.

Три сбитых российских самолета – это уже серьезно. Бывает, страны несут потери в авиационном парке во время войн. Но даже в условиях боевых действий одновременная потеря трех самолетов – это нонсенс, это чрезвычайная ситуация, которая никогда не остается без ответа. Хотя говорить об ответе, когда даже неизвестно, кто эти самолеты сбил, просто смешно. Тем не менее они загорелись не сами по себе. Я видел, в каком состоянии иногда возвращаются из боя штурмовики. Их металлическое тело бывает просто истерзано пулеметными очередями. Висят куски обшивки, чудом не оторвавшиеся в полете. Но эти самолеты, показывая свои скелеты, все же не горели. А здесь я отчетливо видел, что самолеты от соприкосновения с лучом вспыхивали. У двух загорелись крылья, одно, кажется, правое, второе – левое. У третьего полыхнул ярким пламенем стабилизатор. Конечно, мне издали трудно было рассмотреть, но мне показалось, что при горении самолетов летели в стороны огненные брызги. Это бывает, когда горит магний, алюминий или алюминиевые сплавы. Видимо, лучи давали чрезвычайно высокую температуру. Хотя для плавления алюминия высокая температура не нужна. Кажется, что-то около шестидесяти градусов. Там, главное, прожечь тонкую поверхностную окисную пленку. Но горели самолеты ярко. При этом у меня создалось впечатление, что убийственный луч был абсолютно прицельным. Он попадал в то же крыло в своей крайней, окончательной точке и не пролетал ниже самого крыла. Это говорило одновременно и о том, что существу, которое лучами управляло, ничего не стоило попасть в кабину пилотов, чтобы их уничтожить. Но к кабинам луч даже не приближался. Ни белый, слегка серебристый, ни фиолетовый. Всем шестерым летчикам, трем командирам и трем штурманам, была предоставлена возможность катапультироваться и спастись. Хотя слово «спастись» здесь не вполне уместно. До спасения летчиков еще далеко. Их следует найти и вывести. Иначе они могут просто пропасть в горах – они же не спецназовцы и не имеют нашей подготовки. Они могут нарваться на банду.

Обо всем этом требовалось доложить командованию. Если раньше, когда дрались между собой два непонятных металлических существа, я сразу подумал, как воспримут мой доклад у нас в штабе сводного отряда, после того как обязательно поинтересуются, пил я или какие-то таблетки глотал, поскольку знают, что я не курящий. То теперь мой доклад должны воспринять всерьез.

Я положил руку на коммуникатор «Стрелец»¹, отключил внутреннюю связь и послал вызов начальнику штаба сводного отряда спецназа ГРУ.

– Слушаю, дежурный по узлу связи подполковник Овчинников, – ответили мне почти сразу.

¹ Коммуникатор «Стрелец» – инновационная система не только связи, но и разведки, и управления подразделением (потому официально и называется «КРУС» – комплекс управления, разведки и связи). Включает в себя телефонно-микрофонную гарнитуру, убираемую в шлем, модуль индивидуальной радиосвязи, модуль спутниковой навигационной системы, работающей в форматах ГЛОНАСС и GPS, пульт оперативного управления (например, солдат всегда может нажать определенную кнопку, чтобы сообщить командиру о том, что он ранен, и попросить помощи). С помощью «Стрельца» командир всегда видит на своем планшетном компьютере, где в конкретный момент находится каждый из его бойцов. Там же располагается дальномерно-угломерный прибор, многофункциональный пульт, позволяющий отправлять текстовую и видеoinформацию командованию, и еще с коммуникатором связаны многие функциональные элементы. Входит в комплект оснастки «солдат будущего» – «Ратник». Небольшая пластиковая коробочка крепится обычно клипсой на левой стороне груди военнослужащего. Обеспечивает как связь внутри подразделения, так и связь с вышестоящим командованием. Одновременно работает как кодирующее устройство связи, не позволяющее противнику прослушивать оперативные разговоры и приказы командования.

– Корреспондент Семьсот сорок первый. Есть необходимость поговорить с корреспондентом Сто пятнадцать. Срочно!

Я позволил себе повысить голос, хотя знаю, что дежурный по узлу связи, даже если он себя не называет, обычно старший офицер. Это не было неуважением к армейской субординации. Просто я пользовался тем, что скрываю свое звание за анонимным номером корреспондента и просил первоочередности.

– Соединяю...

– Слушаю тебя, Власаныч. – Мое имя-отчество – Владимир Александрович – считается почему-то труднопроизносимым, и у нас в бригаде старшие офицеры зовут меня одним словом – Власаныч.

Начальник штаба сводного отряда спецназа ГРУ майор Ларионов не из нашей бригады, но откуда-то знает это сокращение. Впрочем, наверное, он знакомился с офицерами сводного отряда не только по стандартным, мало что говорящим характеристикам, но и созванивался, например, с комбатом или с начальником штаба батальона, интересовался мнением и возможностями. Но я человек не обидчивый. Меня как ни зови, я неизменно останусь прежним. Значит, и переживать от такого коверкания имени не стоит.

– Товарищ майор. У нас тут странное ЧП в небе произошло... Не знаю даже, как доложить... Только очень прошу воспринять всерьез. Я сегодня не пил и наркотой не баловался... Не только сегодня, а вообще никогда. И весь взвод это видел...

– Странные ЧП, Власаныч, – майору, кажется, нравилось произносить это странное сочетание имени и отчества, – произошли не только в небе над тобой. Эти ЧП наблюдались над целыми районами Дагестана и Чечни, и, как говорят данные радиолокации, над территорией Грузии тоже. И вся армия на ушах стоит. Если, конечно, ты имеешь в виду воздушный бой инопланетных космических флотов. Пока это именно так трактуется, хотя никто не знает точно, что это было такое. Наша авиация пытается разобраться. ПВО пыталась послать три ракеты на поражение, но они были сбиты лучами из ниоткуда...

– Точно так же, как самолеты, товарищ майор. Летело три «СУ-3 °СМ». Луч вылетел из пустого пространства, ударил в самолет, потом еще два луча. Два были белого цвета, один фиолетового. Все три самолета загорелись. Летчики катапультировались. В настоящий момент вижу их парашюты. Спускаются... И вот ломаю голову – свою задачу выполнять или летчиков спасать...

– Это новость. Про сбитые самолеты я не знал. И по телевидению ничего не сказали.

– Я снял на видео и инопланетян, если это инопланетяне, и самолеты, и лучи, что их сбивали, и парашюты. Сейчас отправлю вам сюжет. Одна просьба...

– Слушаю...

– Если пошлете сюжет на телевидение, пусть не указывают авторство. Можете себя автором назвать.

– От алиментов, что ли, прячешься?

– Можно и так сказать. – Я не стал откровенничать, но строгую анонимность действительно сохранял из-за заботы о своей семье. – Тем не менее это серьезная просьба.

– Ладно. Высылай. Просьбу учту. А что у тебя с основным заданием? Добрался до Арсамакова? У тебя же, кажется, все данные были и времени хватало...

– В том-то и дело, товарищ майор, что во время боя, когда мы половину банды уже уничтожили, над нами развернулась эта картина. Бандиты воспользовались моментом, когда мы на сто процентов отвлеклись, и ушли в скальный лабиринт. Сейчас будем искать варианты обхода.

– Понятно. Пересылай видеоматериал. Буду ждать...

* * *

Видеосюжет я отправил. Это не сложно и не долго. При этом времени мы зря не теряли – начали искать обход скалы с лабиринтом, хотя после увиденного пребывали в некоторой растерянности и естественной задумчивости.

Начальник штаба вышел на связь через полчаса.

– Власаныч, я сейчас показал твою съемку командованию. Тебе приказ срочный. Полное изменение ориентации, так сказать... Эмира пока оставь в покое. Хрен с ним, пусть еще пару дней поживет. Потом добивать будешь, когда время подойдет. Сейчас найди летчиков после приземления и сопроводи их к нам в штаб. Это серьезно и срочно... Основная твоя задача! Понял? А то в антитеррористическом штабе какое-то ненормальное состояние. Все смотрят телевизор, а там передают, что ни одна РЛС пока не может уловить радиомаяки сбитых летчиков. А радиомаяк есть у каждого из них. Вся надежда на тебя и твой взвод... Тем более ты один знаешь место их приземления.

– Так точно, товарищ майор. Понял. Отработаем...

Задание конкретное, от которого радоваться, честно говоря, не приходится и отказаться от выполнения невозможно – армия, она и в Африке армия. Приступить к выполнению нового задания, нежданно-негаданно свалившегося на нас с неба, – это автоматически значит, что вскоре нам придется включить на полную мощность разведывательную сеть и еще месяц потратить на сбор сведений о местонахождении банды Арсамакова. А сейчас придется дать бандитам шанс подумать над своим положением, поплакать друг другу по-мужски в плечо. Но домой, я уверен, никто из них не вернется. Это все упертые и отпетые парни, которым только одна дорога предписана – под автоматную очередь. Конечно, это мое персональное отношение к бандитам вообще и к данной банде в частности. Но мое мнение основывается на фактах, которые категорично утверждают, что гуманное отношение к бандитам любого ранга есть преступление против остальных своих соотечественников, жизнь которых при проявлении твоего гуманизма подвергается серьезному риску.

Меня однажды спросили:

– А ты убивал?

И в голосе пожилой женщины даже ужас звучал – она не могла принять в своем сердце общение с убийцей. И при этом разницы между убийцей и солдатом не видела. А я эту разницу вижу. Не убьет солдат противника, убьют эту женщину. Но объяснять ей эти прописные истины я не стал. Я просто добродушно улыбнулся и оставил вопрос без ответа.

Следовало приступить к выполнению приказа. Я посмотрел в сторону. В небе еще висело четыре парашюта. Два из шести благополучно или неблагополучно донесли летчиков до земли. Неблагополучное приземление здесь было тоже вполне возможно. Во-первых, приземление парашютиста на лесистый участок всегда чревато множественными травмами. Я не знаю, обучали ли летчиков подобным прыжкам, вполне допускаю подобное, но слышал, что парашютный десант МЧС, например, готовят на специально выбранном участке леса, где и деревья примерно одного возраста и одного роста, и почва под деревьями выбирается ровная, не имеющая уклона. А здесь лес растет на крутых склонах горных хребтов. А недавно мне объяснили, почему основное дерево здесь – ель. Дело в том, что ель имеет поверхностный корень, который в глубину почвы никогда забраться не стремится. А в горных хребтах только небольшой поверхностный слой – землястый, веками наносимый сюда ветром. А под этим слоем каменистые горы. Другие деревья приспособиться не могут. Они просто не умеют брать питательные вещества только с поверхности, как это делает ель, а в камнях питательных веществ нет. Да и пробить корнями скалы не все могут. Но и ели на склонах очень неустойчивы. Корни держатся за почву только сверху, а снизу выпирают из-

под земли. В результате сильный ветер или ливень, который промывает землю, вызывает множественные повалы деревьев. Приземляться в таком лесу – удовольствие не из приятных даже для опытного парашютиста. А летчики, конечно, не могут быть опытными парашютистами. Если им много прыгать, то когда же им летать? Сделают от силы несколько учебных прыжков, и хватит. Им вообще полагается держаться за рычаг управления, а не за «держку»². Кроме того, неустойчивая на склоне ель вполне может просто свалиться от удара, когда парашютист приземлится на ее ствол. Удар бывает достаточно сильным. Ведь скорость парашютиста при приземлении, в зависимости от веса самого парашютиста, колеблется от трех до семи метров в секунду. И необходима хорошая реакция, чтобы не сесть на дерево, как на кол. Приземление на горный лес часто грозит травмами. Поэтому я слова не возразил, когда мне предложили заняться спасением летчиков. Не просто потому, что уважаю армейские приказы, как и субординацию в целом. Профессия офицер – защитник Родины, это то же самое, что спасатель. Люди рядом попали в беду. Такие же офицеры, как и я, такие же россияне. Как им не поможешь?..

Бинокль у меня без дальнего, только с тепловизионной приставкой, которая подключается автоматически, когда окулярам не хватает света. Потому пришлось воспользоваться дальним оптическим прицелом на автомате. Я, конечно, знаю, что из оружия, даже не заряженного, запрещается целиться в человека вне боя. И сам солдатам это объяснял многократно. И сейчас сначала снял с автомата магазин, потом передернул затвор, чтобы выбросить из патронника патрон, даже на предохранитель автомат поставил и только после этого приложил глаз к прицелу. Дальномер определил парашют на дистанции пять с половиной километров. Я сделал угловую сноску, и дистанция сократилась до четырех километров восьмисот метров. Но при этом сам себя я чувствовал все равно не совсем приятно, словно целился в другого офицера своей же армии из заряженного оружия. Разброс парашютистов не должен был быть большим. Все они летели строем и на одинаковой скорости. Катапультировались с небольшим интервалом. И предполагалось, что искать их придется в радиусе километра. От силы – двух. Без средств пеленгации, конечно, поиск может быть затруднен. Но, если уж у меня нет таких средств, то и переживать не из-за чего. Кроме того, если уж большие стационарные пеленгаторы и даже целые радиолокационные станции не смогли уловить сигнал радиомаяков летчиков, то, по всей вероятности, они их просто или не включили, или горы экранируют сигналы, или сами радиомаяки неисправны, что тоже бывает. За годы службы в армии я понял одну истину – значительная часть суперсовременной техники в самый критический момент оказывается в неисправном состоянии. Почему-то такая техника прекрасно себя показывает на учениях и во время штатных и даже неожиданных внеплановых проверок. Но отказывает тогда, когда именно в этом приборе есть насущная потребность. И это, слышал я, происходит не только в нашей армии, но и во всех крупных армиях мира.

Я внес в карту красный кружок – предполагаемое место приземления парашютистов, после чего включил на шлеме зуммер внутренней связи. Это значило, что у меня есть общий для всех приказ и я предлагаю всем внимательно его выслушать. Хотя зуммером я обычно не пользовался. У меня во взводе было заведено так, что мой приказ дается только один раз, и исполнять его всем строго обязательно. Повторения приказа не будет. Значит, следует слушать сразу. Но зуммер, решил я, только подчеркнет важность поставленной задачи. И только после этого, посмотрев по сторонам, сообщил в микрофон:

– Все видели, как наших летчиков сбили? Приказ нам поступил категоричный: летчиков найти и вывести в расположение наших войск. Радиомаяки у них не работают. Искать будем по парашютам. Место приземления парашютистов я нанес на карту. По прямой

² «Держка» – рычаг, которым активируется процесс катапультирования из летящего самолета.

– дистанция около пяти километров. Но предстоит преодолеть три невысоких лесистых хребта. Один из них, предполагаю, невозможен для прямого прохода. Там поверху идет мощная скальная гряда. Пойдем через ближайший перевал, а потом вернемся на прежний маршрут. Это лишних двенадцать километров. Все! Быстрым маршем – вперед!

Естественно, как только взвод двинулся походным маршем, я сразу подстраховал замкомвзвода, и сам выставил головное и боковые охранения, и встал ведущим, чтобы выверять направление и задавать необходимый темп. Удара сзади по своей колонне я не опасался. Опыт трех предыдущих командировок на Северный Кавказ показывал, что, когда мы на марше, бандиты нас догнать не могут. Они просто не умеют с такой же скоростью передвигаться. И потому не в состоянии напасть на колонну сзади. Значит, там охранение выставлять необходимости нет. При этом я отдавал себе отчет, что бандиты тоже видели странную картину воздушной битвы неведомых нам сил, видели и радовались, когда загорелись наши самолеты. И эмир Магомет Арсамаков прекрасно понимает, что мы просто обязаны пойти на помощь летчикам сбитых многофункциональных истребителей, как они официально называются. И пожелает, возможно, устроить нам засаду. Или же захочет найти летчиков раньше нас. Но это возможно только в том случае, если его бойцы в состоянии после увиденного еще что-то предпринимать, если сам Арсамаков в состоянии думать не только о том, что происходило в небе. И еще одно ограничение... Он вышел, возможно, раньше нас, но ходить так быстро не в состоянии. Да и сил в банде в сравнении с моим взводом уже маловато. И чем для него может закончиться бой, Арсамаков обязан понимать.

Мы спустились по склону с плато, где еще недавно шел бой с бандой Арсамакова, вброд, по перекаату перешли небольшую, но очень быструю речушку или скорее большой ручей и сразу же начали подъем на следующий склон. При подъеме старались держать руки свободными, чтобы они активно помогали ногам. Каждый при этом выбирал тот способ помощи, который был ему персонально удобен. Так, одни упирали ладони в согнутые колени и, таким образом, толкаясь, разделяли нагрузки между руками и ногами. Другие по моему примеру предпочитали хвататься за стволы деревьев и толстые ветви кустов и подтягиваться вверх. Но, зная себя и бойцов своего взвода, я был уверен, что никто не отстанет, не собьет дыхание, никого не подведут мышцы рук и ног. Сказывалась тренированность взвода, его постоянная боевая готовность, которая приобретает задолго до того, как взвод попадет в места, где придется стрелять по-настоящему.

Бандиты на Северном Кавказе почему-то считают воином любого человека, взявшего в руки оружие. Это их роковая ошибка. Просто иметь оружие, и даже уметь им сносно пользоваться – это лишь маленькая толика общего умения воина. У нас, например, в спецназе ГРУ, когда солдат сносно выполняет свое дело, его дополнительно и жестко учат делать это дело только на «отлично». Так достигается результат. Несколько часов назад в банде эмира Магомета Арсамакова было на четыре человека больше, чем у меня во взводе. Но мы атаковали банду без сомнений, сами потерь не понесли, однако за счет умения владеть оружием, знания тактики боя и вообще всех боевых атрибутов сумели уничтожить как минимум с десяток бандитов. Сколько их уничтожено выстрелом «Вампира» в расщелине скалы, точно неизвестно, но я считаю, что минимум трое. Раненый, которого пытались затащить в расщелину, и, по крайней мере, двое тех, кто его затаскивал. Одному было бы не под силу так быстро «задернуть» раненого в убежище. Все это пришло мне в голову вовсе не для самутверждения и обретения уверенности, которой я и без того не терял. Просто такими подсчетами и размышлениями я подводил себя к мысли, что эмир Арсамаков не рискнет снова ввязаться в бой с моим взводом. Но захватить летчиков он может попытаться.

Мы шли уверенно и быстро, насколько позволяли условия лесистого хребта. И в тот момент, когда мы перевалили его и начали спуск, в небе снова раздался уже знакомый нам свист. Все остановилось, задрали головы. Картина предыдущей схватки повторялась. Мы не

знали, те же это летательные аппараты участвуют в воздушном бою или другие. Конструкция одного и другого была вроде бы та же самая, и тактика боя была повторением предыдущей. Но детали конструкции могли быть одинаковыми для всех представителей одной стороны. И тактика точно так же могла быть схожей, поскольку тактика диктовалась наличием того или иного вида вооружений.

Я снова достал «планшетник», включил видеокамеру и начал снимать воздушный бой, хотя все, что происходило на наших глазах, было нам уже знакомо по первому бою. Но съемку я начал вовремя, потому что тут же над нами раздалась новая порция свиста, и в мониторе «планшетника» я увидел еще одного космического «монстра», ворвавшегося в поле зрения объектива моей камеры. Он был точно таким же, как один из дерущихся в воздухе. И сразу начал атаковать остроносого своими огненными плевками. Остроносый едва успевал отбивать плевки крыльями, и приходилось ему достаточно туго. Но тут в небе, и опять ниоткуда, просто из чистого и ясного пространства вылетели два белых луча, каждый из которых достался одному из «монстров». Они не загорелись, как загорались перед этим российские самолеты, а как-то сначала сникли, будто воздушные шарики спустились, и рухнули на горы. Легкое землетрясение это все же вызвало. Но, похоже, без сильных разрушений. Только лес на склонах загорелся. Причем не только там, куда «монстры» рухнули, а в разных местах. Но тут же из той же точки, откуда вылетали белые лучи, вылетел фиолетовый и ударил точно в спину остроносому «монстру». Что-то диким зверем взревело в воздухе. Так громко, что даже деревья закачались от этого пронзительного звука, и у меня, как, наверное, и у моих солдат, завибрировали все внутренности. «Монстр» вышел в горизонтальный полет, покачал крыльями и стал стремительно снижаться. Сначала казалось, что он пикирует прямо на нас. Видимо, он старался удерживать высоту, в последний момент я понял, что он пролетит над нами и над гребнем хребта, который мы только что покинули, и должен врезаться в соседний хребет, примыкающий к плато, где шел наш бой с бандой Магомета Арсамакова. Куда-то туда, где располагался горный лабиринт, спасший банду. Если только не вытянет высоту до конца. А он, похоже, вытягивал. Я успел ухватить взглядом его крылья с задранными почти вертикально вверх рулями. Когда «монстр» летел на нас, я сделал шаг назад, споткнулся о камень, через который незадолго до этого перешагнул, и упал на спину. Но у меня в руках оставался «планшетник» с включенной камерой. Съемка продолжалась. И я умудрился снять самый критический момент. Гранатометчик младший сержант Сережа Рахметьев за долю секунды поднял на плечо уже заряженный гранатомет «Вампир» и произвел выстрел. Он был точным. Я отчетливо увидел, как в блестящем металлическом брюхе «монстра» образовалась черная дыра размером с тарелку, которая тут же затянулась, словно ее и не было, но еще через пару секунд, когда он уже пролетел над нами, «монстр» взорвался, так и не долетев до лабиринта. Останки неизвестного летательного аппарата, оставляя за собой дугообразный инверсионный след, упали вниз, в ущелье, как раз, должно быть, туда, где пробегал то ли большой ручей, то ли маленькая речушка. Но значительная часть свалилась прямо на склон, по которому мы несколько минут назад прошли.

Я не забыл о том, что являюсь еще и оператором. Вскочил на ноги и в два прыжка достиг вершины хребта, откуда продолжил съемку. Летающий «монстр» упал как раз туда, где я и ожидал его увидеть. Внизу и на склоне что-то горело и дымило, и даже искрилось, как искрится при поджоге алюминиевая пудра. Это искрение образовали несколько горящих ярко-белым светом столбов.

Взвод в полном составе вышел на хребет, хотя я такой команды не давал, солдаты последовали за своим командиром, интуитивно выполняя старый принцип «Делай как я!». Только передовое охранение скорее всего еще не успело подняться, Но боковое охранение могло смотреть с флангов основного состава взвода с того же хребта.

– Посмотреть бы, что там такое! – сказал заместитель командира взвода старший сержант Коля Камнеломов.

Передо мной встала дилемма. Не перед взводом, а именно передо мной, лично передо мной, потому что взвод примет мою волю, каковой бы она ни была. С одной стороны, я должен был продолжить поиск летчиков. Во-первых, потому, что получил такой приказ, во-вторых, потому, что они были моими соотечественниками и такими же, как я, офицерами, попавшими в беду, в-третьих, я обязан был опередить эмира Магомета Арсамакова, в случае если он решится сам искать летчиков, чтобы захватить их в плен. При этом и меня самого, и всех моих бойцов, в противовес приказу, снедало жуткое любопытство. Хотелось посмотреть на останки летающего «монстра», хотя это, возможно, было и опасным делом. Но к опасности нам не привыкать. Кто и когда видел подобное на земле? По моим сведениям – никто и никогда. А кто и когда сумел снять подобное? Тоже – никто и никогда. И хотелось продолжить съемку, понимая всю уникальность подобных кадров. Нет, меня не жажда славы обуяла. Просто я отчетливо понимал, какой интерес для всей земной науки могут иметь мои видеоматериалы.

Но я не знал, как поступить правильно. И именно в момент раздумий, словно отвечая на мои вопросы, меня вызвал на связь начальник штаба.

– Старший лейтенант Троица, слушаю вас, товарищ майор...

– У тебя опять что-то произошло, Власаныч? – спросил начальник штаба, и я понял, откуда «растут ноги» у этого вопроса. Я представился необязательной формулировкой корреспондент Семьсот сорок первый, а своим действительным званием и своей фамилией. И майор уловил момент моей растерянности.

– Так точно, товарищ майор. Как раз думал с вами связаться для получения дальнейших инструкций.

– Докладывай...

– Над нами опять произошла схватка двух «монстров» неизвестной принадлежности. Потом прилетел еще один, и вдвоем они атаковали противника. Но тут из чистого неба снова вылетело два белых луча, и пара «монстров» была уничтожена. Они не загорелись, а сдулись, как воздушные шарики, и упали. И только после этого взорвались. Было легкое землетрясение. А после этого, почти из того же места, в небе вылетел фиолетовый луч и подбил оставшегося. Тот планировал над нами, пытался полет выровнять, но мой гранатометчик успел ему в брюхо из «Вампира» выстрелить. «Монстр» упал недалеко от нас на дно ущелья и там взорвался.

– На видео снять сумел? – как у штатного оператора спросил начальник штаба.

– Так точно, товарищ майор. Место падения и взрыва прямо передо мной. Вот думаю, что для земной науки это редчайшая возможность. Хотел у вас спросить, обследовать мне место падения или продолжать поиск летчиков.

Таким образом, я сбросил со своих плеч решение сложной задачи. Пусть майор решает. Майор решил:

– Летчики сами – не дети. Отстрели несколько ракет. Увидят, в вашу сторону двинутся. А сам пока обследуй место падения. И про видеосъемку не забывай. Это для всего человечества важно. Короче говоря, беру ответственность на себя и своим приказом меняю тебе задание. Пока перешли мне сюжет, который уже снял.

– Я понял, товарищ майор. Сейчас, пару минут подождите. Я только запасной аккумулятор поставлю и перешлю вам файл. У меня на «планшетнике» аккумулятор сдыхает...

– Жду.

Я присел на круглый, как мяч, камень, сменил на «планшетнике» аккумулятор и сразу отправил начальнику штаба видеосюжет. При этом удивился, отчего так быстро у меня сел аккумулятор. Не должен он был так быстро садиться. Видимо, в горах какое-то влияние

идет. То ли от горных пород, хотя я не слышал, чтобы они на аккумуляторы могли повлиять. На качестве связи – это часто, но не на питание. Возможно, события, происходившие у нас над головами, как-то повлияли? Этого я не знал. Но на всякий случай через коммуникатор «Стрелец» выложил свои соображения майору Ларионову. Это на тот случай, если связь совсем пропадет. Сам же снял с клипсы крепления свой коммуникатор и проверил на нем заряд системы жизнеобеспечения и боевого обеспечения экипировки «Ратник». И не зря это сделал. Там заряд тоже упал почти до предела. Я включил внутреннюю связь, автоматически заблокированную звонком майора Ларионова, и объявил голосом, предполагающим обязательность исполнения:

– Всем срочно поставить запасной аккумулятор «Ратника». После этого спускаемся к месту взрыва. Вести себя крайне осторожно, руками ничего не лапать. Есть возможность без рук остаться... Не наступать куда не следует... Если что-то заметите интересное, зовите меня. Посты охранения, все три, к взводу! Прежний маршрут отложен до лучших времен.

Я встал и стал ждать, когда подойдут к взводу посты охранения, которые меня, конечно, слышали по связи, и последними завершат смену аккумуляторов. После этого, ни слова не говоря, как воздух рукой рубанул, показал направление движения и пошел первым.

История с севшими аккумуляторами мне совсем не нравилась. Не должны были аккумуляторы так подсесть. Тем не менее это произошло. Но к вечеру я рассчитывал вернуться со взводом на базу, там мы все аккумуляторы за ночь подзарядим, и все будет в порядке.

Спускались мы даже не так быстро, как поднимались. На склоне нам часто попадались какие-то маслянистые пятна, под которыми выгорела трава. Несколько раз такие же пятна встречались на стволах деревьев, на еловых лапках. Я вытащил из кармана, что пристегивается к бронежилету вместо стандартной армейской «разгрузки», перчатки, тоже входящие в комплект оснастки «Ратника», надел их. Вообще-то носить перчатки сейчас было не по сезону. Лето было в разгаре, но перчатки эти предназначены не для того, чтобы пальцы греть. Они для согревания слишком тонкие и позволяют без проблем стрелять, не мешая засовывать палец в спусковую скобу. Эти перчатки сшиты из особой ткани, как и весь костюм «Ратника», который скрывает тело от инфракрасных и тепловизионных приборов наблюдения и оптических прицелов.

Я взял двумя пальцами, большим и средним – сработала привычка беречь палец, которым нажимаешь на спусковой крючок, – сгоревшую маслянистую хвою с еловой лапки, тут же почувствовал ожог. Руку я отдернул и встряхнул, а пальцы тут же потер о землю, вытирая эту самую маслянистость. И только после этого посмотрел на руку. Перчатка на двух пальцах была прожжена. Но ожог, судя по ощущениям, был холодным. Наверное, и травы, и ветки деревьев точно так же обжигало холодом, хотя, сняв перчатку и приблизив ладонь к очередному жирному пятну, я холода не почувствовал. А что за вещество может нести такую низкую температуру, которую перчатки не выдерживают, я не знал. Я знал, что существуют в природе вещества, которые в жидком состоянии дают супернизкую температуру. Кажется, жидкий водород имеет температуру минус двести пятьдесят девять градусов с чем-то. Но жидкий водород и выкипает при небольшом повышении температуры. А сейчас в воздухе было жарко. Любой водород давно бы превратился в пар и улетучился. Что это было, я сказать не мог, поскольку в вопросах криогеники³ плавал с мастерством топора в бассейне.

– Внимание всем! – Я поднял руку, показывая свои дырявые перчатки. – Жирные пятна опасны. Это похоже на какую-то ледяную кислоту. Прожигает сразу. Наверное, и подошву прожжет, если наступишь. Под ноги смотреть внимательнее! Если кому-то жить не хочется, предупредите сразу, я помогу. Но советую расставаться с жизнью в привычном земном варианте...

³ Криогеника – наука о сверхнизких температурах.

В этот момент справа от меня, метрах в пятнадцати, сначала что-то блеснуло, потом раздался гулкий, но не резкий взрыв, и ввысь, метров на тридцать, устремился сияющий огненный столб. Такой яркий, что, увидишь такой ночью, и на несколько часов ослепнешь. Он даже в дневное время ослеплял. И брызги летели в стороны. Огненные брызги. Но мне почему-то и они казались холодными. Обжигающе холодными.

Я среагировал моментально, как только что-то блеснуло, и еще до момента взрыва дал от пояса автоматную очередь, срезавшую несколько еловых лап. Откуда-то появилась уверенность, что этот яркий огненный столб – вовсе не ответ на мою очередь. Он возник сам по себе, без внешней причины. А если и была причина, то это вовсе не я и не бойцы моего взвода ...

Стрелял я от пояса. Обычно у нас во взводе автоматы носят на груди так, что приклад почти примыкает к самому плечу. В такой позиции не требуется терять доли секунды на прижимание приклада в упор. Только ствол куда надо повернуть. То есть два действия заменяются одним. Но у меня велась съемка на «планшетник», который я себе на грудь повесил. И потому автоматный ремень пришлось с шеи снять и нести оружие в руке. Стрелять от пояса я умею, конечно, не так точно, как с плеча, тем не менее неплохо. Причем при такой переноске оружия есть даже свое преимущество – могу стрелять и справа, и слева. Это все, конечно, вопрос тренировки, но я тренировками никогда не пренебрегал, всегда тренировался сначала вместе с солдатами, которых обучал, а в дополнение еще и отдельно с офицерами. И это сказывалось в деле.

Только успел столб догореть и погаснуть, как я шагнул к месту, из которого он исходил. Раздвинул кусты, за ними было скопище камней разного размера. Но ни на листьях, ни на траве, ни на камнях – нигде не было никакого следа нагара. А пламя было такое мощное, словно исходило из сопла двигателя космического корабля или боевой ракеты – и то и другое я видел только по телевидению, но воображение подсказывало именно такую аналогию. И в месте я точно не ошибся – это было слишком близко от меня. Однако никаких следов найти не удалось.

– Товарищ старший лейтенант! Слева... – подсказали мне по связи.

Я посмотрел в указанном направлении. Слева, на склоне, валялось что-то большое.

– Не подходить никому! – приказал я, а сам направился туда.

Раздвинув кусты, я увидел искореженный профилированный металлический лист. С одной стороны к нему были припаяны какие-то провода и два ящичка с непонятными мне приборами. Определить металл визуально я не смог, но по цвету и внешнему виду это был кусок внешней обшивки космического «монстра».

Я посмотрел на свою целую перчатку, которую еще не снял, и этой рукой потрогал лист. Он был слегка теплый. Но лишь настолько, насколько металлический лист может нагреться на солнце, хотя лист этот лежал не на солнечной поляне, а в кустах, в тени, то есть от солнца скрытый еще и густой хвоей ближайшего дерева. И занесло его сюда, как я подумал, взрывом, когда «монстр» развалился на части. Что его развалило, я знал точно. При взгляде с хребта в ущелье, в том месте, где это позволяли деревья, была видна только большая воронка, медленно наполнявшаяся водой из ручья. Самого «монстра» видно не было. Да и взрыв мы все слышали. Мощный, разрушительный. Чтобы что-то уцелело после такого взрыва... Я, человек военный, даже предположить такого не могу...

Я внимательно рассмотрел лист и даже «планшетник» повертел, чтобы все снять вблизи, под разными ракурсами. Металл меня заинтересовал. Я попробовал согнуть его пальцами – углы поддавались силовому давлению. Тогда я снял с липучек за плечом нож вместе с ножнами, соединил нож и ножны, образовав ножницы. Вообще-то эти ножницы предназначались для обрезки телефонного кабеля или не слишком толстой колючей проволоки. Но я рискнул попробовать порезать лист. Он поддался. Мне требовался совсем небольшой

кусочек – для анализа металла, который должны будут провести специалисты военных научных институтов. Я хотел быть полезным отечественной военной науке и потому старался быть аккуратным. Справившись с задачей, я тем же прочным ножом с толстым каленым лезвием отломал оба ящичка, что крепились к листу непонятным образом и недостаточно крепко для армейского ножа. Один из ящичков имел короткий хобот, выходящий наружу. Пришлось и хобот ножом выковырнуть. Убрав все это себе в рюкзак, я вернулся к взводу. В это время в наушниках прозвучал короткий негромкий вызов. Сигнальная лампочка на коммуникаторе показывала, что со мной снова пытается связаться наш начальник штаба майор Ларионов. Не понимает товарищ майор, что мне сейчас не до него! Но субординация есть субординация, и никто ее в армии не отменял.

– Корреспондент Семьсот сорок один. Слушаю вас внимательно, Сто пятнадцатый...

– Как дела, Власаныч? – задал Ларионов совсем уже неуместный вопрос.

– Стараемся, товарищ майор. Рассматриваем...

– А что ничего не сообщаем?

– У меня вертолета в наличии, товарищ майор, нет. Говорят, на взвод выделять накладно. Не выделяют. А без вертолета мы даже со склона спуститься не успели. Докладывать, кроме несущественных мелочей, нечего...

– Понятно, Семьсот сорок первый, понятно... Повнимательнее там. Я вот что звон... Отставить... Я вот что на связь вышел! У тебя как сейчас финансовое положение? Не в конкретный момент, не то, что ты в кармане носишь, а вообще. Дома, так сказать?

– Как у всех командиров взводов. За звание платят, за должность платят, за командировки платят чуть больше. Но в целом всегда хочется еще. Сказать, что я финансово обеспечен, язык не поворачивается. Каждый месяц до жалованья занимать приходится...

Голос начальника штаба понизился до шепота, но наушники его все равно улавливали и выравнивали до нормальной речи:

– Мы тут тебе приработок хороший нашли... В долю возьмешь?

– Сувениры, что ли, с собой принести? – спросил я, вспомнив, как читал в Интернете, что проданных по объявлениям частиц Челябинского метеорита по массе столько, что на добрый астероид хватит. На такой, который нашу планету при столкновении на куски бы разворотил.

– Это сможешь, думаю, частным порядком, без нас... – Майор Ларионов, мне показалось, поморщился от своих слов.

– Вы, товарищ майор, как я понимаю, не один? – невинно поинтересовался я, ображая, как я могу на своем положении заработать, и кто еще, кроме Ларионова, пытается ко мне примазаться.

– Да. Предложение исходит от начальника антитеррористического штаба республики. У генерала есть связи на крупных американских телеканалах. Журналисты несколько раз приезжали, он с ними общался – интервью давал, позволял с пленными бандитами поговорить, доставлял для беседы родственников убитых. Оставили координаты. Он предлагает продать твою видеозапись за границу. И уже созванивался. И переслал им первый видеосюжет. Нам предложили за запись сто тысяч долларов. Гарантия, что оплатят, стопроцентная. Если обманут, тогда мы продадим другим остальные, более интересные записи вместе с первой. Делиться это должно на троих, если ты не возражаешь против посредников.

Я кое-что слышал о манерах штабных офицеров и командования антитеррористического штаба. И потому решил взять начальника штаба «на пушку»:

– Товарищ майор, у меня есть родственные связи через жену с французскими телеканалами. Я ей недавно звонил. Она уже связалась с Францией. Там предлагают за запись сто тысяч евро... Это без всякой торговли. А ведь можно еще поторговаться! Это, даже при моих слабых математических способностях, все равно получается гораздо больше, чем сто тысяч

долларов, и ни с кем делиться мне не придется. Извините уж, но я обойдусь в таком деле своими силами.

– Даже так?! – удивился майор. Он мою жену не знал, и вообще, вероятно, ничего не знал о моей семье, и рассчитывал, как я понял по тону, поживиться на халяву. – Ладно, я позже тебе позво... Отставить... Позже с тобой свяжусь... А ты, кстати, материал жене отослал?

– Я напрямую тестю отослал, – снова соврал я, и, кажется, весьма правдоподобно. – Он у меня журналист-международник. А его сын от первой жены, сводный брат моей половины, на каком-то французском телеканале новостями заведует.

Насчет тестя я сказал правду. У тестя первая жена была француженка, и сын остался во Франции. Правда, он не журналист, а, насколько я знаю, какой-то профсоюзный деятель левого толка. Но это все начальнику штаба знать необязательно.

– Как же ты с такой родней в ГРУ служишь? – Ларионов удивился, хотя удивляться здесь было нечему. В ГРУ любят, когда их офицеры имеют родственные связи за границей. Это прямая возможность этими связями воспользоваться.

– А почему же нет! – не удивился, а возмутился я. – Я свои связи не скрывал, они во всех анкетах указаны. И могут при каких-то условиях оказаться полезными для службы.

– Понятно. Ладно. Ты новые сюжеты снимаешь? А то я постараюсь договориться о повышении цены. Мы тоже имеем возможность торговаться. Это, мне кажется, вполне реально.

– Конечно. Кстати, мой «планшетник» записывает и наш с вами разговор. Но я его вырежу. У меня здесь установлена программа видеомонтажа. Все, что мне не нужно, я удаляю. И что нельзя за границу отсылать, тоже.

– Значит, третий репортаж готовишь?

– Готовлю. Третий будет, как я понимаю, самым интересным. Он, по крайней мере, что-то покажет с близкого расстояния. И должен зрителя впечатлить почти так, как нас впечатлил. Познательный... Как первооткрытие... Это для телевидения, как я понимаю, важный момент. И текст я наложу отдельной дорожкой.

– Постарайся, по крайней мере, чтобы текст был без мата...

– Я, товарищ майор, вообще никогда не матерюсь и солдатам не разрешаю.

– До связи, Семьсот сорок первый, – Ларионов был предельно холоден – расстроился, видимо, из-за моего желания самому определиться с иностранными телеканалами...

– До связи, товарищ Сто пятнадцатый...

Глава первая

Разговаривая с начальником штаба сводного отряда спецназа ГРУ, я совершенно отвлекся от окружающей обстановки и не усмотрел за взводом. Скорее всего просто понадеялся, что никто из моих солдат не будет проявлять неуместную самостоятельность. От этого мы солдат разными и весьма жесткими методами отучаем с первых же дней пребывания в казарме. Специально выставляем под видом различных предметов ослабленные взрыв-пакеты. Протянешь руку куда не положено, просто газету с тумбочки поднимешь, следует взрыв. Сначала нервы расшатываются, но уже через неделю становятся железными, и эта настороженность в бойцах спецназа ГРУ остается на многие годы. Но люди – существа непредсказуемые. Они и сами порой не могут объяснить свои поступки. Особенно в сложных жизненных ситуациях.

Я услышал крики:

– Назад!

– Куда ты! Не лезь!

И прозвучало несколько крепких слов, за которые я обычно бойцов наказывал. Но сейчас было не до того, чтобы обращать на это внимание. Я успел только повернуться и увидеть, как что-то объемное с реактивным ревом, грохотом и визгом взлетает в небо прямо из ближних кустов. И не понял даже, что именно. Причем это что-то взлетело достаточно высоко, зависло над нами и передумало удаляться.

– Что там? – спросил я по связи.

– Виталька... – то ли мне сказал, то ли позвал Рахметьев своего второго номера.

– Что? – спросил я. – Доложите...

И снова посмотрел в небо. Взлетевший предмет, внешне объемный и, наверное, нелегкий, не просто висел в воздухе, а плавал в нем, раскачиваясь, как сиденье качелей. Только не было видно, к чему это сиденье крепится. И с каждым новым раскачиванием увеличивался угол амплитуды и возрастала скорость движения.

– Рядовой Пашинцев... – начал объяснять старший сержант Камнеломов, – увидел громадное мягкое кресло в кустах. Подошел и сел в него. А оно взлетело...

– Какое еще кресло?! – рявкнул я в сердцах. – Откуда здесь мягкое кресло?

– Там стояло... – пальцем показал растерянный взводный снайпер ефрейтор Ассонов.

Он был третьим, кто видел произошедшее. Остальные повернулись только в момент реактивного рева. А мои выкрики были вполне обоснованными. Потери бойца взвода, слава богу, еще не произошло, поскольку Пашинцев еще не свалился с кресла. Наверное, крепко держался и руками, и ногами. Но кто знает, что там происходит. И вообще жив ли он? Мы же не видим его. Может, кресло попросту сжирает его, откусывая по кусочку и заглатывая. А потом, обожравшись, выплюнет останки и само упадет с высоты. При встрече с неведомым ждать можно всего, что угодно. Даже, когда противника перед собой не видишь, нужно ожидать автоматной очереди из пустоты. Не ждали же самолеты из пустоты сжигающих лучей...

За три предыдущие командировки в «горячую точку» у меня во взводе потерь не было. Только однажды один из бойцов получил пулю в предплечье – ранение не тяжелое, касательное, разрыв мягких тканей. Такие ранения проходят без последствий. А теперь, я предполагал, будет хуже. И мне придется за это отвечать. Но я не ответственности боялся. Меня зло разбирало за такое бездумное поведение рядового. Ведь всех предупреждал о крайней осторожности. И теперь вот такой глупый случай! Вопиюще глупый! И так же глупо выглядит появление мягкого кресла на лесистом склоне хребта. И мое состояние в этот момент тоже глупое. Я просто не понимал, что следует делать, что предпринимать.

Мы всем взводом смотрели в небо. Просто стояли и смотрели. До тех пор, пока я не спохватился и снова не рявкнул:

– Что встали, как на Красной площади! Всех ворон все равно не сосчитаете! Где охранение? Почему по сторонам не смотрим? Камнеломов! Охранение на твоей совести. Обеспечь...

Я никогда раньше не кричал на солдат. Приказывал громко и грозно – бывало. Но не кричал. А сейчас на меня напала истерика. Наверное, из-за рядового Пашинцева. Я сам почувствовал свое состояние и просто приказал себе «взять себя в руки». Это удалось на удивление легко. Наверное, сказалась армейская привычка выполнять приказы.

И в этот момент майор Ларионов снова вызвал меня на связь:

– Корреспондент Семьсот сорок первый.

– Слушаю вас, Сто пятнадцатый, – ответил я торопливо. – Извините, товарищ майор, ситуация у нас чрезвычайная... Я потом с вами свяжусь...

Майора, видимо, наша «чрезвычайная ситуация» волновала мало.

– Слушай, Власаныч, я в два слова обойдусь. Тебе за три репортажа предлагается сто пятьдесят тысяч евро. По пятьдесят за каждый репортаж. Устроит?

Я, честно говоря, не собирался торговаться, но меня разозлило, что начальнику штаба нет дела до нашего ЧП, и я в сердцах сказал, надеясь убить его ответом:

– За каждый по сто пятьдесят. Так устроит...

Я, честно говоря, надеялся, что он откажется, чтобы не мелочиться. Но не получилось:

– Согласен. Только никому больше материалы не отсылай. И с тестем свяжись, попроси не переправлять первый во Францию.

– Хорошо-хорошо, товарищ майор, – ответил я, не задумываясь, и, не прощаясь, не произнеся обычного выражения «до связи», отключился от внешней связи и включил внутреннюю.

И тут же услышал голос рядового Пашинцева:

– ...Не переживайте вы. Качает, как на качелях, и все. Но меня не укачаеть, я устойчивый. Покачает и перестанет. Только тут вот, рядом с подлокотником, кармашек есть, а там какой-то мягкий шлем с проводами внутри...

– Не трогай ничего... – предупредил Камнеломов. – Если летает, эта техника должна как-то управляться. Ищи панель управления.

– Что за шлем? – спросил я. – Боевой?

– Нет. Я же говорю, мягкий, как шапочка. Только не пойму, из какой ткани. А управления здесь никакого нет. Ой... Ой...

И все, связь прервалась. Но рядовой Пашинцев сам из кресла не выпал, он только уронил свой боевой шлем, с помощью которого и осуществлялась связь. А зачем он вообще его снимал, непонятно. Сам по себе шлем упасть с головы не может. Разве что вместе с головой. Он прочно пристегнут крепкими ремнями, даже шею обхватывающими, и имеет пластиковую защиту на подбородке, которая на крепежном ремне и держится. Я побежал к месту, куда упал шлем, поднял его, осмотрел, ожидая самое худшее, но следов крови на шлеме не нашел. Головы в шлеме тоже не было, хотя я готов был даже это увидеть. А аккуратно расстегнутые, не разорванные ремни говорили о том, что Пашинцев скорее всего сам снял боевой шлем, чтобы примерить шлем инопланетный.

В это время над головой раздался новый свист, и я увидел, как кресло стало совершать быстрые круги. Впечатление было такое, что крутится центрифуга, причем кресло было повернуто спиной к центру вращения. А это значило, что центробежная сила обязана рядового Пашинцева из кресла выбросить. Скорость вращения была большая, а Пашинцев все не вылетал.

– Держись! Крепче держись! – говорил я, как колдовал, но рядовой мои слова, естественно, не слышал, поскольку его шлем с интегрированными наушниками находился в моих руках.

Однако он держался крепко и не вылетел, что при скорости вращения вызывало недоумение и непонимание с моей стороны. Я лично на центрифуге никогда не катался, но хорошо знаю, что такое центробежная сила.

Центрифуга работала больше минуты. И все это время я не дышал. Дыхание в груди сперло от нервного напряжения. Но потом вдруг движение по кругу прекратилось, да так резко, что от такой остановки рядовой должен был вылететь и улететь далеко-далеко. Кресло стало раскачиваться вправо-влево, уже как другие качели, с перпендикулярным первому движением. И только тут я подумал, что этим движением кто-то управляет. Не само по себе кресло выполняет заранее заложенную программу, а кто-то управляет им прямо сейчас. Но мысль эта не застряла в голове. Она просто появилась и исчезла, словно каплю дождя со стекла кто-то рукой смахнул. Я не придал этому явлению никакого значения. Мало ли что в голову порой взбредет! А потом, когда кресло начало описывать круги в воздухе, постепенно снижаясь, мысль эта вдруг вернулась.

Круги становились все меньше и меньше. У меня складывалось впечатление, что кресло выбирает ровное место для посадки, чтобы не покатиться вниз по склону. Но такое место выбрать было сложно, потому что склон густо зарос не только лесом, но и кустами, и высокой травой в придачу. Был один участок, представлявший собой поляну с небольшим уклоном. Правда, поляна эта заканчивалась обрывом, самый край которого был очень неустойчив. Это я видел снизу, еще когда мы поднимались по склону. И теперь опасался, что кресло пожелает приземлиться на самом краю, где почва неустойчива и готова рухнуть, вызвав большой обвал. Должно быть, тот, кто управлял креслом, не знал этого. Как я и предполагал, кресло стремилось попасть именно туда, снижаясь с каждым кругом.

До земли оставалась всего пара метров. В это время кресло начало демонстрировать вариант воздушного слалома, маневрируя на приличной скорости между деревьями. Я, вспомнив, что шлем рядового Пашинцева у меня в руках, следовательно, по связи он меня точно не услышит, заорал что было сил:

– Прыгай! Пашинцев! Прыгай!

Но он прыгать не стал. То ли не услышал меня, то ли испугался.

Кресло, продолжая свой стремительный полет, залетело за край обрыва. Там, в чистом воздухе, где ему не мешали деревья, развернулось на месте и, двигаясь дальше, снова влетело в редкий лес, где располагался наш взвод. И совершило не слишком мягкую посадку в пяти метрах от обрыва, на безопасном месте. А посадка получилась не слишком мягкой потому, что скорость полета кресла была велика. Кресло застряло в кустах сразу же после приземления, словно на якорь встало, но скорость инерции движения передалась рядовому, и он из кресла все же вылетел. Правда, инерцию падения он успешно погасил, выставив вперед руки с автоматом, сгруппировавшись и совершив два кувырка. Все, как учили, кроме главного, с чего все и началось – кроме приказа не лезть куда не просят. Куда даже запрещают лезть...

Пашинцев встал, и я увидел на его голове вместо нашего шлема от экипировки «Ратник» странную шапочку из полуметаллической ткани. Я протянул рядовому его родной шлем, где на подшлемнике были вытравлены хлоркой цифры – номер военного билета.

– Держи и не теряй... Какого, скажи мне на милость... ты в это кресло полез?

Я уже не кричал. Я успокоился и спрашивал ровным строгим тоном, как и положено командиру спрашивать солдата. Он остался жив, и это меня радовало необыкновенно. Ведь я уже был почти уверен, что во взводе появится первая потеря.

А теперь от моего вопроса рядовой растерялся. Он вытаращил на меня испуганные глаза. Словно я камуфлировочным гримом лицо раскрасил. И снял чужой шлем с головы, чтобы надеть свой. И тут только я обратил внимание на прическу рядового. Его коротко стриженные волосы были полностью седыми. Более того, на подбородке и на щеках вылезла щетина примерно недельной давности. И щетина эта тоже была седой. Внешне вчерашний девятнадцатилетний мальчик выглядел мужиком сорока с лишним лет. При этом его лицо было испещрено морщинами, глубокими и темными, заметными даже на фоне загара. Подумалось, что солдат сильно испугался своего полета. Оттого и поседел вмиг, оттого и постарел. Это неудивительно. Тут и опытный, тертый офицер спецназа испугается, чего же ждать от солдата срочной службы. Не страшно смерть пережить, встретившись с ней лицом к лицу. Мгновение – и тебя уже нет. Но страшно в течение продолжительного времени ждать смерти. Летать и думать, что вот-вот погибнешь. От такого ожидания можно поседеть.

Читал я как-то в Интернете про исследования американских ученых. Предмет исследования – люди, приговоренные к электрическому стулу. Организм у приговоренных начинал значительно стареть за несколько минут до казни. И в момент смерти уже представлял собой организм изношенного жизнью старика.

– Что ты? – тихо спросил я, глядя в распахнутые глаза рядового. – Отвечай, когда тебя командир спрашивает.

– Так, товарищ старший лейтенант, вы же сами приказали мне...

Теперь уже растерялся я. И, видимо, точно так же глаза вытаращил.

– Я приказал?

– Так точно... Послали по связи посмотреть, что там такое в кустах, и приказали сесть в кресло. Я сел. А оно полетело. Потом, когда я наверху был, вы приказали свой шлем снять и надеть тот, что в кармашке подлокотника. И тогда все и началось...

– Я ничего такого не приказывал... Слышал кто-нибудь мои такие приказы? – Перед уверенным взглядом рядового я даже обычную твердость потерял, подумалось, может быть, я в каком-то забвении находился и в самом деле давал такие команды.

– У Виталика произошел стресс на почве увиденного, – вступился за своего второго номера гранатометчик младший сержант контрактной службы Рахметьев. – И на почве стресса начались слуховые галлюцинации.

– Что, разве не было такого приказа? – спросил растерянный Пашинцев.

– Успокойся, старина, успокойся... – Рахметьев приобнял рядового за плечи. – У нас у всех шлема, мы бы все слышали приказ. Это были слуховые галлюцинации на почве стресса. Ты просто перенервничал. Это бывает...

Младший сержант обращался с рядовым мягко, успокаивая его. Мне следовало быть более категоричным, как командиру взвода и офицеру, которому предъявили серьезные обвинения в том, чего он не совершал.

– Приказ был прямо противоположный, – сказал я твердо. – Приказ был – ничего не трогать ни руками, ни ногами, и, если что-то интересное попадется, звать командира.

– Значит, у меня крыша едет, – легко согласился рядовой, тем самым как бы утешая себя. Но согласился он с этим легко, не слишком переживая. Если бы у него в самом деле поехала крыша, он бы любыми способами стал отпираться. Мне рассказывал один знакомый врач-психиатр, что психически больному человеку бывает труднее всего доказать, что он болен, потому что тот все свои поступки оправдывает, считая их нормальными.

– У любого от увиденного может крыша поехать, – согласился я.

Но для себя при этом решил твердо, что держать во взводе человека с неустойчивой психикой, имеющего склонность к речевым галлюцинациям, я права не имею. В следующий раз он может сказать, что я приказал ему стрелять в мирных жителей. И он их расстреляет. Таким людям вообще нельзя оружие в руки давать. Но это не был вопрос сиюминутного

решения. Нужно будет по возвращении взвода на базу, не дожидаясь окончания командировки, отправить Пашинцева в госпиталь вместе со своим рапортом и с рапортами других бойцов взвода. Я прекрасно знал, что не отдавал такой команды рядовому. Более того, в тот момент, когда команда могла быть отдана, у меня была заблокирована внутренняя связь, поскольку я разговаривал в это время с начальником штаба сводного отряда майором Ларионовым. – Стоит еще удивиться, как у остальных крыша на месте осталась. А то сложно бы нам всем здесь пришлось, случись такое хотя бы с половиной взвода.

И вдруг меня словно по голове ударили. Даже в глазах на мгновение потемнело. Я вспомнил недавние свои мысли о том, что кто-то управляет креслом, и ясно осознал, что этот «кто-то» вполне мог управлять и рядовым Пашинцевым, и мной, и любым из нас.

Осознавать это было страшно. Ведь такая система управления может заставить нас делать все, что угодно. То есть просто превратит в боевых роботов. Но я нашел способ отвлечься от таких мыслей.

– Зеркало есть у кого-нибудь? – спросил я по связи.

– Есть, товарищ старший лейтенант, – отозвался старший сержант Камнеломов, шагнул ко мне, снял с плеч рюкзак и вытащил из карманчика рюкзака тройное зеркало-складень и бритвенный помазок. Помазок старший сержант тут же сунул назад в карман, а зеркало протянул мне. Я тут же передал его рядовому Пашинцеву:

– Посмотри на себя... Попытайся узнать, может, сумеешь... Мне это, честно скажу, трудно.

Рядовой раскрыл складень и тут же чуть было не выронил зеркало. Ожидая чего-то подобного, я ухватил его за руку и не дал зеркалу разбиться. Примета нехорошая – разбитое зеркало. А в боевой обстановке я всем рекомендую к приметам относиться уважительно и серьезно.

Я посмотрел на других бойцов. Все они сохраняли прежний вид. Должно быть, в мыслях я был прав, Пашинцев постарел от испуга.

Я нечаянно коснулся висящего на груди «планшетника», направленного камерой в сторону рядового, и решил сработать как настоящий журналист: взять интервью у «виновника торжества». Наверное, передать его ощущения будет интересно, раз уж я взялся делать полный видеосюжет. За плохой и малоинтересный ведь могут и не заплатить. До этого вся моя съемка сводилась к работе простого свидетеля произошедшего, то есть случайного человека.

Я не был жадным от природы, хотя испытывал к деньгам естественное уважение. Только не пристрастие. И, как большинство нормальных людей, не слишком страдал от того, что не зарабатываю столько, сколько хотелось бы. Но иногда мысли менялись, и становилось очевидно, что нехватка денег меня серьезно ограничивает. Например, я не мог позволить себе купить новый мотоцикл. Такой, о котором с детства мечтаю. А тут ни с того ни с сего вдруг предлагают заработать почти полмиллиона евро. Но я понимал, что за такую сумму следует постараться, приложить усилия. При этом интересно мне стало, сколько же заработают на мне наш начальник штаба и его компаньон, начальник штаба антитеррористического комитета. Изначально, как я понял, они желали меня просто обобрать, считая за дурака. Выделить мне копейки за мой риск. В принципе они могли бы сделать это и по-другому. Просто продали бы видеосюжеты, а я об этом ничего бы не знал. Но, видимо, старшие офицеры испугались, что кто-то надоумит меня и предложит продать их по тому же адресу. Или увидит кто и поинтересуется, кто за это получил деньги. Тогда это грозит большим скандалом и, вероятно, возбуждением уголовного дела. Не рискнули два начальника штаба. С такими замашками недолго и с должности слететь...

Я поправил «планшетник» так, чтобы рядовой Пашинцев оказался прямо в объективе, и начал задавать вопросы в хронологическом порядке:

– Значит, ты говоришь, что услышал в наушниках мою команду, которую я не давал, и пошел в сторону кресла?

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

Я приподнял «планшетник», чтобы мне было видно монитор, выполняющий обязанности видеоискателя, и снял кресло. И даже подошел к нему ближе, почти вплотную, чтобы снять крупный план. Кстати, только тогда и сам сумел рассмотреть его по-настоящему. Скорее это было даже не кресло, а маленький диван. Но такое определение можно давать по человеческому понятию. Судя по продавленной середине, сидело здесь одно существо – я побоялся даже подумать, что один человек – нет, не человек, а именно – существо. Это не мог быть человек уже по одному технологическому уровню, это существо окружающему. Человек до такого еще не добрался, хотя стремится. Я снимал кресло и одновременно давал свои комментарии. То, что кресло сделало с рядовым Пашинцевым, я охарактеризовал только двумя словами: «попытка похищения». Почему эта попытка оказалась неудачной, я пока не мог объяснить. Тем не менее что-то помешало неведомой силе похитить рядового Пашинцева. Я снова повернулся к нему:

– Вот так, значит, Виталий... Ты увидел кресло. И что-то заставило тебя в него сесть... Это что, тоже была команда? Если так, то откуда она пришла? Как ты услышал ее?

– У нас дома, в поселке когда жил с родителями, было мягкое кресло. Не такое большое, но такое же продавленное. У меня мама полная женщина. Она любила в этом кресле смотреть телевизор. Я тоже любил в этом кресле посидеть, но мама меня всегда со своего места сгоняла и садилась сама. Она кресло и продавала. Я только, подходя к месту, подумал о том кресле. Как-то отвлеченно подумал. Не конкретно о том, домашнем, а вообще о большом мягком кресле. Наверное, ноги устали по горам бегать, захотелось удобно посидеть и расслабиться. Раздвигаю кусты, а кресло – вот оно, передо мной. Я и сел сразу, и расслабился. Никакого приказа я не слышал, хотя помню, перед тем как сесть, чувствовал, как кожу на голове сильно покалывает. Сразу во многих местах.

Рядовой рассказывал подробно и разумно. И вовсе не как человек, у которого поехала крыша. Я решил, что здесь не все однозначно и ставить диагноз Пашинцеву еще рано. С моей стороны рано и неправильно, поскольку я не врач, хотя и доводилось мне обучаться основам первой медицинской помощи. Но вот как оказывать первую психиатрическую помощь, я просто не знаю. И поставить диагноз сумел бы только в случае каких-то из ряда вон выходящих поступков со стороны человека.

– Ну ладно, я могу понять твое желание посидеть в мягком кресле. Но ты разве сразу не понял, что это не простое кресло?

– Я не могу это словами описать, – признался рядовой. – Я же говорю, хотел сесть и расслабиться. И я расслабился, причем так расслабился, как никогда расслабляться не получалось. Я словно бы в другое состояние попал. Может быть, даже в другое измерение. Я полностью расслабился за какое-то мгновение, меньше чем за секунду. И меня сразу какая-то непонятная сила прижала к креслу, словно я с ним сросся. Так прижала, что я уже встать не мог. А потом этот вой раздался, и кресло полетело вверх. Вертикально вверх. И очень быстро. Но даже голову не заломило, как бывает, когда самолет быстро высоту набирает.

– От кресла какие-то ощущения в этот момент остались? Может быть, оно грелось или еще что-то. Чтобы так поднимать тяжелый предмет, да еще с человеком, необходимо приложение сил, какой-то двигатель или еще что-то. Судя по звуку, при взлете работали реактивные двигатели. Но мы снизу не видели сопла. Кроме того, реактивный двигатель едва ли сумел бы обеспечить плавное горизонтальное перемещение. А кресло перемещалось и так тоже. Расскажи о своих ощущениях, – потребовал я.

– Никаких особых ощущений. Все та же расслабленность.

– Ты испугался?

– Когда высота стала большой, немножко испугался. Но состояние расслабленности успокаивало. А потом, я слышал ваши переговоры внизу. И стал с вами говорить. Затем увидел в кармашке подлокотника с внутренней стороны вот этот шлем. – Виталий показал шлем, который все еще держал в руке. – И тогда же кто-то вашим голосом, товарищ старший лейтенант, приказал мне свой шлем снять и надеть этот, из кресла...

Глава вторая

– Вот теперь верная формулировка – «моим голосом», но не я приказывал, – заметил я. – И что это тебе дало? Я про шлем говорю. У тебя как-то изменились ощущения? Может быть, физическая сила тебя жуткая посетила или думать стал лучше, стал сквозь камни видеть?

– Дало в первую очередь то, что я уронил свой шлем. Положил его на колени, и он скаптался. – Рядовой погладил свой шлем, который уже успел на голову надеть, словно поблагодарил его за то, что тот выдержал падение и не разбился. Это в какой-то степени обещало в дальнейшем и голову сохранить. – Я почему-то подумал, что кресло специально наклонилось, чтобы я связь с землей потерял. А оно тут же наклонилось. И если меня кресло держало, как земное притяжение, что-то типа искусственной гравитации, то шлем держать не стало. Это, думаю, для того, чтобы я только с креслом контактировал. И мне тогда же просто невыносимо захотелось шлем из кресла надеть на голову. Это какие-то новые ощущения обещало. Иногда каждому так сильно хочется нового, что просто сил нет сопротивляться. И я сопротивляться не стал – надел его. Сначала, когда вытащил и посмотрел, он показался мне очень большим. Я даже подумал, что туда две мои головы поместятся. Но, когда я стал надевать, он оказался нужного размера. Ровно по моей голове. Он словно бы сжался. Что это за материал, я даже не представляю... – Пашинцев вытянул перед собой шлем, показывая мне. Я потрогал пальцами, потом даже перчатку снял, чтобы лучше ткань ощущать, если это была ткань. Внешне это казалось тканью, но на ощупь это был какой-то чрезвычайно пластичный металл. Я высказал свое мнение, микрофон «планшетника», естественно, записал его фоновым разговором. Внешний вид шлема я показал объективу «планшетника». Потом перевел объектив на рядового, однако шлем пока оставил в своей руке.

– Ладно. Продолжай докладывать, – потребовал я сухим, вполне армейским тоном, умышленно используя армейскую формулировку «докладывать» вместо «рассказывать», чтобы сильнее дисциплинировать рядового, а то мне показалось, что он по мере того, как углублялся в рассказ, начинал чувствовать себя героем необычного приключения, отличным от других бойцов. Но у нас все отличные от других. И каждому может выпасть на его долю возможность угодить в подобную странную или даже тяжелую ситуацию.

Не зря наш комбат часто повторяет свою любимую присказку, что солдат спецназа ГРУ всегда является самостоятельной боевой единицей, даже когда остается один против превосходящих сил противника. Самостоятельная боевая единица может многое, она даже может победить, хотя силы будут неравными. Примеры подполковник обычно приводить не любил. Но я их знаю много: и про офицеров, и про солдат. Но, даже будучи самостоятельной боевой единицей, всегда следует помнить, что вокруг тебя точно такие же или даже более опытные единицы. И потому я постарался своим тоном и полным отсутствием восторга вернуть летающего в облаках рядового на землю.

Он попробовал вернуться, но в тоне его все еще сильно ощущалось большое самоуважение. Это неплохое чувство, и я против него ничего принципиально не имею. Главное, чтобы оно не превалировало над другими чувствами. Иначе и до беды недалеко. В боевой обстановке такой человек будет излишне себя беречь, а это может нанести вред его товарищам. У нас в спецназе ГРУ так не полагается. Не хочется говорить высокими словами, но у нас положено в первую очередь заботиться о товарище, а потом товарищ позаботится о тебе. И так всегда и во всем.

– Кресло начало мне показывать, что означает шлем. То есть что он может. Откуда-то мне пришло в голову воспоминание, что в детстве я больше всего на свете любил качаться

на качелях. И кресло начало качаться. В качели превратилось. Причем в такие громадные качели, каких я никогда не видел.

– А при чем здесь шлем? – не понял я предыдущего утверждения.

– Вот об этом я и хотел сказать. Шлем скорее всего и внушил мне, что это он управляет креслом. Именно он, а не само кресло такое. Само кресло – это только инструмент, средство передвижения, не более. Шлем уже им управлял, еще когда просто в кармане кресла лежал. Качели он еще тогда мне показал. Но, когда я его на голову надел, все усилилось многократно. А шлем – это и двигатель, и система управления. У меня именно такая мысль в голове возникла. Но сама по себе она возникнуть не могла. Я сам даже не задумывался, откуда мне в голову приходят мысли. Это я уже здесь понял, когда вернулся. А там я другое понял: шлем вместе с креслом хотят меня для чего-то использовать. Я оказался нужным инструментом в каком-то деле. Только я не могу сообразить, в каком именно. И вообще, когда шлем надеваешь, перестаешь думать словами. Даже внутренний диалог происходит с помощью ощущений. Это не совсем понятно, тем не менее этому как-то сразу обучаешься.

– Вообще-то человеку свойственно думать не словами, а образами, – поправил я солдата, но его эта поправка не смутила.

Он продолжил тем же тоном:

– Я сам себе космонавтом показался. У меня в голове с какой-то стати вдруг возникла картина из старой, еще советской кинохроники, которую однажды по телевизору посмотрел. Там космонавтов готовят на центрифуге. И кресло тут же стало центрифугой. Я сначала даже испугался, боялся вылететь из кресла, но там какая-то своя сила была, которая меня без ремней в кресло вжимала и держала. У меня руки, ноги, голова – все вытянулось, словно оторваться хотело. А сам я в кресле, как часть его, сидел. И в автомат вцепился, чтобы он не оторвался от ремня. Ощущение было такое, что оторваться может. А когда я успокоился, убедился, что кресло меня не выпустит, мне даже понравилось на центрифуге кататься. Там скорость большая, ветерок приятный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.